

© 2004 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ АНТИКОВЕДОВ

(Москва, 23–24 июня 2003 г.)

23–24 июня 2003 г. в Москве в Институте всеобщей истории РАН прошла очередная ежегодная конференция Российской Ассоциации антиковедов, посвященная теме: «Античная религия и христианство». В ее работе приняло участие около 200 историков из 26 городов России и ближнего зарубежья. В первый день конференции состоялось награждение молодых ученых премиями Ассоциации за лучшую монографию. Конференцию открыл президент Ассоциации академик РАН *Г.М. Бонгард-Левин*. В своем выступлении он подчеркнул, что эти премии впервые учреждаются Ассоциацией и будут присуждаться ежегодно по итогам конкурса среди молодых ученых России: одна – для доктора исторических наук, другая – для кандидата исторических наук. Премия была учреждена на пожертвования Некоммерческого Фонда поддержки культуры, науки и образования «ПАРИТЕТ» (генеральный директор *А.В. Калугин*). Победителями конкурса стали: *Дмитрий Игоревич Макаров*, преподаватель Екатеринбургской Православной Духовной Семинарии, за монографию «Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий)» (СПб., 2003) и доктор исторических наук *Оксана Викторовна Кулишова*, профессор кафедры античной истории Санкт-Петербургского государственного университета, за монографию «Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.)» (СПб., 2001). Участники конференции сердечно поздравляли победителей конкурса и пожелали им дальнейших творческих успехов. *Г.М. Бонгард-Левин* отметил высокий уровень всех работ, представленных на соискание, и призвал молодых ученых принять активное участие в конкурсе на лучшую монографию в следующем году. После вручения премий выступили *В.И. Кузищин*, *К.А. Ревяко*, *В.В. Горовой* и *С.Г. Карпюк*.

Затем с сообщением о порядке работы конференции выступила вице-президент Российской Ассоциации антиковедов д.и.н. *Л.П. Маринович*. На утреннем пленарном заседании было заслушано два доклада.

В докладе *И.С. Свенцицкой* (Москва) «Страх перед демонами в Поздней империи» исследовались изменения в социальной психологии населения Поздней империи, как христиан, так и язычников. Эти изменения характеризовались усилением страха перед силами зла – демонами, колдунами, ведьмами, с которыми надо бороться, но с помощью чудодейственных сил. Нехристиане прибегали к магическим заклинаниям, страшным изображениям, покрытым магическими знаками. Для христиан демоны были посланниками дьявола, виновниками всех несчастий человека, в которого они могли вселяться и принимать человеческий облик. Языческие боги и их изображения входили в систему христианских верований: боги становятся демонами, а статуи – их вместилищами. Все эти верования были вызваны потерей социальных ориентиров в сложной общественной ситуации, которая порождала страхи перед «внешним врагом» – действительным или мнимым.

Доклад *В.М. Строгоцкого* (Нижний Новгород) был посвящен теме: «Официальная информация в греческих полисах V–IV вв. до н. э. и ее связь с религиозными мотивами».

На вечернем заседании 23 июня работали три секции, а на утреннем заседании 24 июня – четыре секции.

Заседание секции «Греция и эллинистический мир в аспекте религии» было открыто докладом *А.В. Унжакова* (Нижний Новгород) «Роль строительства храма Геры в Арголиде». Докладчик показал, что Аргос, построив храм Геры, не только продемонстрировал свои амбиции ве-

дущего полиса Арголиды, но также сделал попытку придать этим амбициям естественный, в какой-то мере «узаконенный» характер.

В докладе *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Сущность понятия *ἀσέβεια* в классических Афинах по литературным и эпиграфическим источникам» рассматривались различные виды религиозного нечестия в отношении, прежде всего, традиционных культов и был сделан вывод о том, что, во-первых, в V–IV вв. до н. э. понятие *ἀσέβεια* было многозначным (включало широкий спектр проступков), но вполне определенным; во-вторых, религиозное право было разработано и предполагало различные наказания за конкретные преступления.

В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) «Религиозные истоки института остракизма в древней Греции» было продемонстрировано, что остракизм не был изобретен Клисфеном в конце VI в. до н. э., как обычно считается, а органически сформировался в течение архаической эпохи на основе процедур ритуального характера.

Доклад *Ю.Г. Виноградова* и *С.Ю. Сапрыкина* (Москва) «*Laudatio funebris* из Пантиканея и история Боспорского царства в эпоху ранней Римской империи» был посвящен неопубликованной надписи, найденной в Керчи в 1985 г. и имеющей важное историческое значение. Это надгробная эпитафия полководца боспорского царя Савромата I, в которой содержится важные сведения по истории Боспорского царства и его взаимоотношениям с Римской империей и окружающими варварскими племенами. Чествуемый в надписи человек, бывший ранее воспитателем царя Савромата I, затем командиром отряда фракийских наемников, став полководцем царя – хиллархом, воевал с аланами, получив за это личную похвалу императора. Затем он совершил поход в Таврику, подчинив и замирив скифов и тавров, участвовал в переговорах с варварскими послами в Херсонесе, исполнил какие-то важные поручения царя по отношению к псеханам. Документ позволяет уточнить ряд сведений из других надписей эпохи царя Савромата I.

В докладе «Полибий о религиозных преступлениях в войнах эллинистических государств» *О.Л. Габелко* (Казань) проанализировал отношение греческого историка к разграблению и разрушению храмов и святилищ в конфликтах греко-римского мира конца III – первой половины II в. до н.э. Как показывает докладчик, Полибий, именуя эти деяния чаще всего словом *ἀσέβεια*, применяет его исключительно к деятельности царей и государств, к которым относится резко негативно. Описание религиозных преступлений Полибий строит по определенной схеме, в которой не находится места попыткам рационалистического выявления их мотивов (военно-стратегических, пропагандистских и др.). Показательно, что историк не расценивает как святотатства аналогичные действия римлян (при захвате Сиракуз в 211 г. до н.э. или Коринфа в 146 г. до н.э.), что является проявлением его политических пристрастий.

24 июня секция продолжила свою работу на утреннем заседании.

В докладе *П.В. Ковалева* (Москва) «Божества и герои-покровители Локр Эпизефирских (в эпоху архаики)» было констатируется, что традиция о битве на р. Сагра упоминает из героев Аякса и Диоскуров, из божеств – Зевса Олимпийского, но не Афину Илионскую, которая «не отстояла» союзный Локрам Сирус, где также отмечался ее культ. Союз же с другим союзником Регием был оформлен вокруг культа Аполлона Архагета.

Т.Б. Гвоздева (Москва) в докладе «Автохтонные культы в Панафинейском празднике» отметила, что в основе панафинейского праздника лежит история автохтонного героя Афин – Эрихтония, которого часто отождествляли с другим автохтоном – Эрехтеем. Текстологический анализ, а также анализ вазописи показал, что мифология Эрехтея проявилась в празднике Скиры, а мифология Эрихтония – в празднике Панафиней.

В докладе *Н.С. Жемойдиковой* и *А.В. Стрелкова* (Москва) «“И все ж Аида нерушим закон...” (Софокл. Антигона. 519)» была проанализирована данная фраза из древнегреческой трагедии. Докладчики обратили внимание на использование Софоклом для обозначения божественного установления Аида термина *nomos*, а не *thesmos*. Закон Аида предписывал хоронить тела умерших, чтобы обеспечить душе успокоение в царстве мертвых. Однако этот закон являлся скорее нравственной нормой, поскольку не предусматривал санкций против его нарушителей.

Доклад *Л.Л. Селивановой* (Москва) «“Мифология бога” и “мифология богини”. К постановке вопроса» был посвящен проблеме формирования олимпийского пантеона (на примере его главной пары – Зевса и Геры) и связанной с этим теме идеологии матриархата. Отметив, что феномен «мифология богини» обычно рассматривается в контексте единой религиозной идеи, согласно которой женское божество неизбежно дополняется мужским коррелятом, докладчица показала, что понятия «мифология бога» и «мифология богини» выражают не только диаметрально противоположные, но и самодовлеющие системы. Зевсу как новому богу пришлось утвердиться на Олимпе, преодолевая сопротивление древних, доолимпийских богов и их царицы, культ которой греки относили ко времени их предка Пеласага. Победа Зевса знаменовала собой вынужденное замужество Геры и реформирование культа богини в угоду победившему патриархату, в результате чего бог приобрел некоторые женские функции. Констати-

руа, что теория матриархата и сам термин не популярны в современной этнологии, автор приходит к выводу об их актуальности.

А.В. Хазина (Нижний Новгород) в докладе «Религия в сакрализованной философии Посидония Апамейского» рассмотрела проблему взаимосвязи идей греко-сирийского стоика Посидония, которые можно интерпретировать как религиозные, с его философскими взглядами, во многом реформировавшими доктрину ранних стоиков. Анализ фрагментов трудов Посидония, сохранившихся у Цицерона, Галена и Стобея, показывает, что философско-религиозные взгляды Посидония фактически основывались на понимании единства рациональных и иррациональных начал.

О.А. Ручинская (Харьков) в докладе «Типологизация и детерминизация агонистических празднеств античных городов Северного Причерноморья» сделала попытку доказать, что наиболее ранней датой проведения празднеств с состязаниями в Северном Причерноморье является V век до н.э., а их дальнейшая история продолжается вплоть до упадка античной агонистической традиции в III в. н.э. Расцвет агонистики на Боспоре приходится на IV–III вв. до н.э., а в Ольвии и Херсонесе наблюдается новый еще более яркий расцвет в первые века нашей эры. Среди агонистических празднеств Северного Причерноморья можно выделить: Ахиллея, Аполлония (гимнастические и гиппические агонии с участием взрослых граждан), Геракла и Гермей (гимнастические агонии, участвуют все возрастные категории), Дионисия, Парфения (мусические агонии). В Северном Причерноморье агонистические празднества имели исключительно культовый характер без политического или иного подтекста. Однако в первые века нашей эры они утрачивают свое общественное значение и приобретают более зрелищный характер.

А.В. Короленков (Москва) в докладе «Лук Геракла» рассмотрел роль этого оружия во взятии Трои. По его мнению, убийство Париса, совершенное Филоклетом с помощью лука Геракла, было одним из важнейших условий взятия Трои ахейцами, поскольку в более раннем пласте мифов о Троянской войне Парис предстает главным защитником Илиона. Именно поэтому, согласно Диктису Критскому, потребовалось троекратное поражение Париса стрелами, что помимо прочего свидетельствует и о сакральном характере убийства.

В докладе *И.А. Ладынина* (Москва) «Захват Птолемеем III культовых предметов в Азии в сообщениях книги Даниила и Порфирия Тирского (Дан. 11:7–8; FgrHist. 260. F. 43 = Hieron. Comm. In Dan. 11. 6–9)» был сделан вывод об историчности этих сообщений в их основе (при ее определенном искажении библейским автором) и о религиозно-идеологической, а не материальной подоплеке данного эпизода третьей Сирийской войны. Отсутствие во фрагменте книги Даниила упоминаний о занятии хотя бы на время Птолемеем III Вавилона («знакового» для библейской традиции города) оценено как надежное подтверждение сравнительно неглубокого продвижения египетских войск в Месопотамию в ходе кампании 246–245 гг. до н.э. В докладе *Е.В. Клешиновой* (Москва) «Корпус Гиппократов: религиозное и рациональное» была предпринята попытка проследить отношение авторов Корпуса к храмовой медицине, предсказателям и приверженцам божественной трактовки болезней. Были рассмотрены религиозные аспекты медицинских и этических текстов врачей-гиппократиков и их отношение к официальной религии. Были сделаны выводы о связях между новой медициной, основанной на рациональном подходе, и старой храмовой практикой.

В секции «Языческая религия древнего Рима» 23 июня было заслушано девять докладов.

В.В. Дементьева (Ярославль) в докладе «Римское божественное право: содержание понятия “fas”» пришла к выводу о том, что «божественное право» (fas) на длительном хронологическом отрезке, включая эпоху римских правоотношений, окончательно не отделилось – с точки зрения взаимосвязанности правовых механизмов применения и содержательного пересечения понятий – от «человеческого права» (ius) в разных его составляющих (публичное, частное, право народов, право граждан).

Доклад *В.Н. Токмакова* (Москва) «Сакральный аспект проведения войны в Римской республике» был посвящен комплексу ритуалов и сакральных обрядов подготовки раннеримской общины к проведению войны – люстрация, ауспicii, религиозные празднества (прежде всего салиев), которые были призваны умилостивить богов как верховных покровителей и предводителей войска. Докладчик пришел к выводу, что вся деятельность войска носила ярко выраженную религиозную окраску, а люди выступали не столько творцами побед, сколько исполнителями высшей воли.

Тема доклада *А.М. Сморгачева* (Москва) – «Магистратура и жречество в эпоху Республики: храмовое строительство». Автор рассмотрел взаимодействие сакральной и политической власти в древнем Риме при учреждении общественного храма (votum, locatio, dedicatio). Как показал докладчик, на втором и третьем этапах участвовали жрецы (авгуры и понтифики), но руководящая роль принадлежала магистратам. Подчиненное положение жречества явилось следствием свержения царской власти и формирования гражданской общины.

С.М. Перевалов (Владикавказ) в докладе «Человек без религии: случай императора Адриана» отметил, что правление Адриана (117–138 гг.) пришлось на промежуточный период между

гибелью античных богов и победой Христа, когда человек стал как никогда ранее свободен в выборе веры. Сам Адриан, хотя и поддерживал – в силу своего положения – лояльное отношение к официальным культам, не обладал сколько-нибудь развитым чувством личной религии и склонялся к скептицизму. Выбор тех или иных решений Адриана в значительной степени определялся его филэллинизмом, историзмом мышления, компетативным складом личности, своеобразным пониманием «божественности» своих поступков.

В докладе *И.А. Гвоздевой* (Москва) «Культ бога Термина в римском землеустроении» было показано, что культ бога границ Термина служил сакральной основой римской аграрной структуры. В землеустроении он стал материальным выражением священного делителя – лимита. Термин, освященный в *confinium*, являлся гарантией собственности на землю; во многих аграрных исках *controversia de termino* moto сохранялась как составная часть предварительного разбирательства.

И.И. Ковалева (Москва) в докладе «Культ Эроса во II в. н.э.: реальность или риторический топос?» на основании сопоставления позднего диалога Плутарха «Об Эросе», четырех речей Максима Тирского «Об Эросе» и диалога «Два Эрота» Псевдо-Лукиана предположила, что все эти произведения опираются не столько на культовую практику, сколько на традицию риторической разработки текстов Платона («Пир», «Федр», «Федон», «Государство», «Хармид» и др.).

Доклад *С.А. Доманиной* (Нижегород) «Эпона – кельтское божество в римском пантеоне» был посвящен проблеме духовного взаимовлияния имперского Рима и провинций. Автор уделила внимание феномену Эпоны, богини лошадей и всадников, подательницы изобилия и покровительницы мертвых, которая стала единственным божеством кельтов, принятым в I в. н.э. в официальный римский пантеон. По-видимому, основными причинами этого явились потребность римского общества в богах-спасителях и то, что Эпона особо почиталась племенем эдуев, имевших статус «друзей» и союзников римского народа.

Были заслушаны также доклады *А.Н. Грешных* (Москва) «Культ Эгерии в древнем Риме» и *А.В. Карасевой* (Иваново) «У истоков формирования христианской системы ценностей: система ценностей в окружении Цицерона».

24 июня секция продолжила свою работу.

О.В. Сидорович (Москва) в докладе «Теологическая концепция Марка Теренция Варрона» высказала мнение о двух источниках теологической концепции Варрона. Один – римский, связанный с систематизаторской и антикварной деятельностью ведущих жреческих коллегий, в первую очередь понтификов. Вторым источником стали представления о богах, бывшие частью философских учений эллинистического времени. Их сплав произошел в жреческой среде конца II – начала I в. до н.э. и в конечном итоге заложил основу теологической концепции Варрона.

Доклад *П.В. Иванова* (Тамбов) «К вопросу об интерпретации образа леоцефала в иконографии италийского митраизма» был посвящен проблеме атрибутирования образа львиноголового божества, широко представленного в иконографии митраизма. Анализ данных иконографии позволяет идентифицировать митраистического леоцефала с божествами, олицетворяющими «бесконечное время» (Кронос-Сатурн, Айон, Зерван). Интерпретация образа леоцефала как «Митры с головой льва», имеющая место в ряде отечественных изданий (см., например, «Мифы народов мира»), является ошибочной и не имеет сторонников в мировой митраистике.

Л.М. Коротких (Воронеж) в докладе «Иберийский культ Великой богини» подчеркнула, что фрагментарность письменных источников делает археологические материалы важнейшим источником сведений о мифологии и религии иберов. В иберийском пантеоне Великая богиня (греческим синонимом которой была Артемида) – наиболее почитаемое божество, выступающее в разных ипостасях. Как супруга бога-творца, она участвует в сотворении мира, как мать – являет собой архетип высшего женского существа, как богиня мистерий – выражает идеи бессмертия и борьбы с хаосом. По мнению докладчицы, Великая богиня объединяла все функции, что указывает на растущую идеологическую гомогенность отдельных групп, составлявших иберийский этнос.

В докладе «Стихотворное посвящение чудотворцу из Тяны» *В.Н. Илющечкин* (Москва) предложил собственное восстановление эпиграммы, ее перевод и комментарий.

С.В. Телень (Гомель) в докладе «Социально-политические факторы религиозной жизни римской армии I–II вв. н. э.» выделил четыре группы факторов: факторы политического режима (династические приоритеты в вопросах культа), факторы военно-политической обстановки, социальные факторы индивидуального проявления, социальные факторы коллективного проявления. Определяющее значение, по мнению докладчика, имела первая группа факторов.

С докладом «К вопросу о сакральных полномочиях плебейских трибунов» выступил *А.А. Павлов* (Сыктывкар). Доклад *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) был посвящен теме: «Ага Макита в деятельности и судьбе Аппия Клавдия Цека». *В.А. Квашигин* (Вологда) выступил с сообщением «Политические аспекты принятия культа Кибелы в Риме в III в. до н.э.».

Теме «Раннее христианство» были посвящены доклады третьей секции.

В докладе *А.П. Скогорева* (Москва) «О принципах составления и методе чтения раннехристианских апокрифов» говорилось о сложении особой системы приемов и правил в христианской апокрифике II–IV вв., не сводившихся ни к принципам иудейской и христианской экзегезы, ни к традициям неоплатонического истолкования сакральных текстов. Основные принципы этой жанровой субкультуры (метафоризм, аллюзивность конкретики, прямое и инвертированное уподобление ветхозаветным моделям) присутствуют в большинстве разновидностей апокрифической литературы. Без учета этих особенностей невозможно адекватная интерпретация идейной и вероучительной специфики большинства ее памятников.

В докладе *М.М. Казакова* (Смоленск) «Император Грациан и поворот Римской империи от язычества к христианству» говорилось о том, что этот поворот произошел под влиянием объективных (предшествующий период христианизации и Адрианопольская катастрофа) и субъективных (влияние медиоланского епископа Амвросия) обстоятельств. В 379 г. начался отход от веротерпимости и борьба с ересями, а в 382 г. Грациан провел ряд мероприятий, направленных на отделение языческого культа от государства. Антиязыческие меры Грациана знаменовали собой отделение языческой религии от государства, но не запрещали поклонение богам и отправление культа. Император стремился завоевать расположение христианской церкви, но в то же время боялся окончательно порвать с язычеством, поэтому в его политике наблюдался интересный момент: язычество уже не было государственной религией, а христианство еще не могло считаться таковой.

В докладе *О.М. Ленцевич* (Минск) «К вопросу о женских должностях в церковной иерархии периода античного христианства» исследовалась проблема женского служения в раннехристианской церкви на примере клирических должностей (вдовы, диакониссы и др.). На материале раннехристианской патристики, литургических документов, постановлений церковных соборов были проанализированы процесс появления, место и роль, а также причины упадка должностного служения в христианской церкви II–V вв.

В.Н. Дряхлов (Вятка) в докладе «Христианизация варваров в Галлии (III–V вв.)» обратил внимание на то, что в агиографических источниках раннего средневековья содержатся факты, свидетельствующие о крещении некоторых романизированных франков в первой половине – середине V в., т.е. еще до официального принятия христианства королем франков Хлодвигом (ок. 498 г.). Они подтверждают данные о предрварительной, неофициальной христианизации среди франков вследствие взаимоотношений варварской периферии с христианским государством.

В докладе *И.А. Копылова* (Москва) «Ортодоксальная церковь в Римской Африке вандальского времени по данным “Истории” Виктора из Виты: паства, организация клира и особенности вероучения» на основе малоисследованного как в отечественной, так и зарубежной историографии источника был поставлен вопрос о роли, которую выполняла ортодоксальная церковь в организации власти в Римской Африке времен вандальского владычества. Докладчик констатировал, что клир ортодоксальной церкви был укоренен в муниципальной системе региона, а в церковной жизни огромную роль играла паства (*populus* – совокупность граждан муниципалитета), которая обеспечивала епископам поддержку снизу. Во-вторых, епископ (особенно епископ Карфагена), используя солидную денежную обеспеченность и действуя в союзе с муниципальной знатью, постепенно становился патроном города. В своем вероучении североафриканские богословы привлекали многие полемические приемы, использованные христианами авторами IV в. (Амвросий, Иларий, Фебадий и др.).

Доклад *А.А. Елагиной* (Омск) был посвящен теме «Тацит, Плиний Младший, Светоний и Иосиф Флавий о христианах и христианстве». Докладчица привела свидетельство Корнелия Тацита о том, что Нерон в связи с пожаром в Риме нашел виновных – христиан и подверг их казни (Ann. XV. 44), а также данные Светония (Nero. 16. 2) и Иосифа Флавия об Иисусе, «человеке мудром, если его вообще можно назвать человеком», и христианах (Antiquit. 18. 3. 3). О христианах писал император Траян Плиний Младший, который в ходе расследования «не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия» (Epist. X. 96. 7). Свидетельства Тацита и Иосифа Флавия некоторые ученые считают интерполяцией.

Был заслушан также доклад *Х. Туманса* (Рига) «Ex oriente – lux, ex occidente – lux».

Отдельная секция была посвящена теме «От язычества к христианству».

В докладе *Е.А. Молева* (Нижний Новгород) «Культы Китая: от язычества к христианству» были обобщены материалы прежних исследований по истории религиозной жизни города и добавлены некоторые новые источники по культу Аполлона и анонимного Героя, а также сведения о фисах и раннем христианстве.

В докладе *А.П. Беликова* (Ставрополь) «Религиозные истоки римского “империализма” и квиритское неприятие христианства» было подчеркнуто, что важной составляющей частью римской воинственности были ее религиозные корни – уверенность квиритов в том, что они завоевывают новые земли с помощью богов, расширяя не только свою власть, но и ареал господства своих божеств. Поэтому одна из причин неприятия христианства – свойственный ему изна-

чальный пацифизм. Лишь перестав быть народом-воином, римляне смогли принять религию побежденных народов.

Доклад *В.В. Горового* (Караганда) «К вопросу о “недоразвитости” античной религии по отношению к христианству: Аполлон в Милете» был посвящен теоретической и источниковедческой (на примере культа Аполлона в Милете) характеристике данного вопроса. Особое внимание было обращено на архаический период становления античной религии и отмечено использование культовых функций Аполлона Милетского в социальной борьбе (Таргелиос) и во врачебных его функциях (Дельфиниос/Иатрос).

В.О. Никишин (Москва) в докладе «Иудаизм, христианство и *mores maiorum*: подоплека специфического римского “антисемитизма” в произведениях Цицерона и Тацита» показал, что римский «антисемитизм» характеризовался, с одной стороны, наличием сильного тяготения к иудаизму с его единобожием, а с другой – страхом, антипатией и презрением к иудеям и их образу жизни. Цицерон и Тацит считали, что иудаизм как вредное «суеверие» представлял собой серьезную угрозу для традиционного римского уклада, основанного на *mores maiorum*. Докладчик пришел к выводу, что главной причиной «юдофобии» был иудейский прозелитизм.

В докладе «Энеида и Библия: видения апокалипсиса (понимание и эмотивность текста)» *Н.И. Милицкий* (Минск) проанализировал текст источников, посвященный видениям апокалипсиса в «Энеиде» и Библии. На основе проведенного структурно-функционального анализа текстов он определил черты сходства и различия по рациональному и психологическому воздействию на читателя.

О.Б. Мязина (Тверь) в докладе «Переосмысление религиозного опыта античности в произведениях Пруденция» отметила, что в цикле мученических гимнов христианского поэта Пруденция (338–405 гг.) содержатся сведения о складывании христианского пантеона и развитии культа мучеников. Поэт раскрывает основные функции, возлагаемые на святых: помощь верующим в земных делах, забота о спасении души грешников, борьба с язычеством; он особо выделяет тесную связь мучеников с тем городом, который являлся центром их почитания. При этом Пруденций проводит переосмысление религиозных традиций античности, подчеркивая универсализм христианских святых.

В секции «Изучение античной религии в новое время» были заслушаны следующие доклады.

Доклад *Л.В. Софроновой* (Нижний Новгород) «Синтез античности и христианства в философии христианского гуманизма Джона Колета» был посвящен изучению специфического течения в идеологии Северного Возрождения – так называемого христианского гуманизма. В основе доклада – анализ оксфордской лекции Д. Колета о толковании «Послания апостола Павла к коринфянам». Автор показал, что в противовес распространившему к концу XV в. стараниями флорентийских неоплатоников М. Фичино и Д. Пико герметизму с его идеей «благочестивой философии» христианский гуманизм предложил иной вариант синтеза античности и христианства, восходящий к опыту отцов церкви (Иустин, Климент, Аврелий Августин).

Были заслушаны также доклады *Н.С. Алмазовой* (Казань) «Культура и религия в эпоху Августа в российской историографии рубежа XIX–XX вв.» и *А.Б. Максимовой* (Казань) «Вопросы античной религии и христианства в современном немецком антиковедении».

На пленарном заседании 24 июня было сделано два доклада.

В докладе *К.А. Ревяко* (Минск) «Культ предков в древнем Риме и христианский обряд “Дяды” на Беларуси» подчеркивалось, что в центре мифологии и религии легендарного периода Рима были боги, перенесенные в мир людей, отсюда – культ ларов и предков, инициация, культ Геня. Докладчик сопоставил языческие представления о душе и смерти с христианскими обрядами Беларуси (Дяды, Радовница).

В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Дельфийская амфиктиония как вид религиозно-политического объединения» говорилось, что Пилейско-дельфийская амфиктиония, создававшаяся как культовый союз, играла в архаическое и классическое время значительную роль в политической жизни древней Греции.

Итоги работы секций подвели в своих выступлениях их председатели *Е.В. Никитюк*, *В.В. Горовой*, *И.А. Гвоздева*, *Л.В. Софронова* и *М.М. Казаков*. Всего был заслушан и обсужден 51 доклад*. По общему мнению, конференция вызвала большой интерес и оказалась полезной и перспективной.

Закрывая конференцию, *Л.П. Маринович* отметила плодотворность ее работы, высокий уровень докладов и пожелала всем участникам конференции успехов в научной деятельности.

Л.Л. Селиванова

* Хроника составлена на основе представленных в Оргкомитет тезисов.